

Андрей Максимушкин

ПИСЬМА ГЕРОЕВ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Андрей Максимушкин

Письма героев

«Издательство АСТ»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Максимушкин А.

Письма героев / А. Максимушкин — «Издательство АСТ»,
2026 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-184815-6

Грозный и кровавый 1917-й не стал трагедией, российская государственность устояла. Империя удержалась на краю пропасти. Россия наслаждается плодами побед, наращивает индустриальную мощь и богатеет под скипетром императора Алексея. Версальский мир оказался только перемирием. В Европе вспыхивает большая война. Русские армия и флот готовы остановить агрессора. Не так-то просто ущемить интересы страны. На каждый удар, на каждый вызов у императора Алексея есть ответ. Под бархатной перчаткой царя скрывается стальная латная рукавица. Танковые дивизии вступают в бой. Авианосцы под Андреевским флагом атакуют врагов империи. Так с пограничного конфликта, с топливного эмбарго, потопления англичанами российского судна разгорается пламя Великой Океанской войны. Весь мир в огне, но русских не сломить. Эта нация способна отстаивать свои интересы в любой точке мира.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-184815-6

© Максимушкин А., 2026
© Издательство АСТ, 2026

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	24
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Андрей Максимушкин Письма героев

Серия «Военная фантастика»
Выпуск 293

Ленинград
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

© Андрей Максимушкин, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Глава 1

Данциг

28 августа 1939

Эта история должна начинаться с фразы: «Два неприметных человека за выщербленным рассыхающимся столом у окна кафе с великолепным видом на рейд обычного приморского города решали судьбы мира». Разумеется, это беспардонная наглая ложь от слова до слова!

Манеры и жуткий акцент сразу выдавали в господах за столик с иностранцами. Нет, это ныне не редкость, но бросается в глаза. Проходившего мимо с подносом кельнера аж передернуло от того, как один из гостей обозвал Вайхсель Вислой. Здесь так не говорят.

Владелец «Рульки и моря» только недавно закончил ремонт. Выщербленных столов там быть не могло и все тут! А вот вид из окна действительно открывался великолепный. Рейд представлял во всей красе. Закатное солнце бросало лучи на приземистый, угловатый, увенчанный толстыми мачтами и трубами стальной утюг. Редкое зрелище старого корабля, все ровесники которого давно покоятся на дне или порезаны на иголки.

Разумеется, любой человек, хоть раз в жизни побывавший в Данциге, никогда не назовет этот удивительный город с историей «обычным». Язык не повернется, примерзнет к небу или сломается. Да и кафе находилось не в самом Данциге, а в его пригороде, чудном поместье Брозен. Но это не так уж и важно, не правда ли?

Самая наглая часть лжи заключается в том, что два иностранца за столиком кафе «Рулька и море» никогда ничего серьезного в этой жизни не решали. Прекрасные исполнители, мастера своего дела, не более того. Однако если старательно поскрести, под слоем лжи обнаружится бриллиант истины. Не каждому доступно, не каждый поймет.

– Удачно выстроились, Джеймс, – высокий, сухой как щепка джентльмен средних лет показал в окно свернутой «Манчестер Гардиан». – Прошлое, настоящее и временное.

Ближе всех к берегу стоял броненосец под красным флагом с гербом в яблоке. Через хороший бинокль можно прочесть на корме имя «Шлезвиг-Голштейн». В двух кабельтовых от немца на бочке красовалась русская «Светлана». Мористее расположился польский «Гриф». Универсальный корабль немногим моложе своего флага.

– Без будущего, Стэнли, – констатировал его собеседник.

– У них будущего нет.

Джеймс, круглолицый с плебейским носом картошкой обладатель ярко-рыжей шевелюры, показал на часы. Его собеседник махнул кельнеру и извлек из внутреннего кармана сюртука портмоне. Рассчитались гости марками, хотя персонал грешным делом надеялся на валюту. Приработок на обменных курсах нормальное дело для портового города, да еще с двойной юрисдикцией.

Хоть на дворе и понедельник, но кафе не жаловалось на недостаток посетителей. «Рулька и море» привлекало чистую публику, людей, желающих трапезничать или спокойно посидеть за кружкой пива в уютном заведении с хорошим видом из окон, главное – способных за это заплатить.

Часа через три после ухода иностранцев над портом и городом прокатился рокот взрыва. Задребезжали стекла. Двое посетителей, подчиняясь рефлексам, резво нырнули под столы. Над ними не смеялись, хоть с Великой войны и прошло больше двадцати лет, но многие ее еще помнили, а кое-кто успел освежить навыки выживания на других, не таких знаменитых, но тоже кровавых войнах.

– Ты смотри!

Над броненосцем на рейде поднималось густое облако дыма. Во все стороны разбегались круги волн. «Шлезвиг-Голштейн» медленно кренился и садился, затем лег на правый борт и опрокинулся. По залу прокатился вздох ужаса. Люди бросились к окнам, затем толпа вырвалась на улицу.

Корабль лег надстройками на грунт. Красное днище возвышалось над водой как спина кита, сверкнула на солнце бронза винтов. Рейд огласил вопль сирен. На русском крейсере протрубили тревогу и спешно спускали на воду шлюпки.

– Быстрее гребите! Там же люди! – прокричал молодой светловолосый безусый паренек в форме гардемарина. – Боже!

Трагедия всколыхнула город. Данциг морской город, здесь жизнь каждого связана с морем. Но и слухи в порту распространяются со скоростью света. Непонятно кто первым сказал, но вскоре все знали – «Шлезвиг-Голштейн» взорвали.

Немецкая штатсполицай быстро оцепила территорию порта и прилегающие районы. Гестапо схватилось за дело одновременно с гражданскими коллегами и усердно рыло землю. Несмотря на замедленную реакцию администрации, польская полиция включилась в работу. Не по приказу даже, а по зову сердца и инстинктам ищек.

В тот же вечер за городом на берегу нашли моторный катер, брошенные дыхательные аппараты и тело одного из подрывников. Пловца застрелили двумя выстрелами в спину, третья пуля контрольная – в затылок. Здесь же обнаружили свежие следы шин. А в кустах белела газета. Недельной свежести «Манчестер Гардиан».

Опознание покойника не затянулось. В картотеке гестапо нашлись его фотографии и полный послужной список. Матеуш Циранкевич собственной персоной, засветившийся как агент Коминтерна, агент британской разведки и скромный сотрудник польских спецслужб.

Польско-немецкие отношения и так обострены до предела, по образному выражению одного русского напоминают «пьянку с перестрелкой в кройит-камере». По обе стороны границы идет мобилизация. Переговоры о коридоре окончательно сорваны, Варшава чуть ли не открыто объявляет поход на Берлин, Германия остановила польский транзит.

Вся Европа на грани катастрофы. Именно 28 августа русский император выступил с предложением созвать международную конференцию, но его уже не услышали. Польское правительство отказалось от всяческого содействия в расследовании взрыва на броненосце.

Данциг – город под двойным управлением. Демилитаризованная зона с собственным правительством, международными гарантиями и двойной юрисдикцией. Здесь вполне себе мирно уживались немецкая и польская администрация. Жизнь заставляла если не дружить, то уважать интересы противной стороны.

Так вот, наутро после трагедии польские администрация и полиция получили нагоняй из Варшавы. Приказом запрещалось любое участие в расследовании, вплоть до передачи немцам материалов по подозреваемым и свидетелям. Разумеется, все это было истолковано именно так, как должно было быть. Последний шанс на переговоры и мирное решение взлетел на воздух, похоронив с собой 217 немецких моряков.

Рано утром первого сентября по всей границе заговорили пушки, небо закрыли крылья самолетов, рыхлые порядки польских дивизий были вспороты танковыми клиньями вермахта. Снаряды тяжелых орудий броненосца «Шлезия», родного брата «Шлезвиг-Голштейна», перепыхивали польские укрепления на косе Хель. Уже в конце дня немцы прорвались сквозь изготовившиеся к встречной атаке польские войска.

Через день, 3 сентября сначала Британия, а затем Франция объявили войну Германии. Так началась новая большая европейская война, плавно переросшая в Великую Океанскую. Так человечество сделало шаг от примитивных фугасных бомб до ядерных боеприпасов, испепеляющих целые города и военные базы. Так одна мина под днищем древнего учебного корабля привела к полному перекраиванию геополитической карты мира.

Случайный посетитель «Рульки и моря» ошибся: из трех стоявших на рейде военных кораблей один олицетворял будущее, а другой настоящее. А вот с несбывшимся он не промахнулся.

Через неделю с начала войны мосты через Буггнулись под массами людей и машин. Русские пограничники получили приказ пропускать всех, уже затем беженцев фильтровали в лагерях Красного Креста. Людям оказывали помощь, давали время прийти в себя, ведь все они потеряли родной дом, многие родных и близких, кто-то видел смерть. Что ж, почти все получили свой шанс начать все заново, многие им воспользовались.

Десятого сентября на русском берегу Буга в Брест-Литовске интернировалось польское правительство почти в полном составе. На следующий день по мосту прошел главком польской армии. Как его звали? – А это уже никому не интересно. Поражение всегда круглая сирота. Проигравшим не ставят памятники, их имена упоминаются только за списком триумфов победителей. Они никому не интересны.

Вернемся в Данциг. Профессионалы гестапо не зря ели свой хлеб и пили свое пиво. Уже на следующее утро после теракта ищейки вышли на след Стэнли и Джеймса, допросили кельнера, нашли арендное авто. В багажнике машины обнаружилось тело второго аквалангиста. Это тоже был гражданин Польши – человек сложной судьбы и интересной биографии. След самих иностранцев оборвался на частном аэродроме, откуда они вылетели в Виндаву.

В России Стэнли и Джеймс растворились в воздухе. Зато на их месте образовались два провинциальных мелких торговца. Выходцы из какой-то зачуханной полудикой деревеньки в Курляндии, еле говорящие по-русски, но зато в совершенстве владеющие местным диалектом немецкого. Оба сели на пароход до Гельсингфорса. Оттуда поездом поехали в Романовский порт. Русская жандармерия смогла установить, что оба сели на грузовой пароход, идущий в Берген.

Дальнейший след двух путешественников совершенно случайно удалось выяснить только в 1943 году. Неразлучная парочка опять сменила документы, превратилась в природных подданных Британской короны и отбыла из Норвегии морем. Увы, даже не к родным английским туманам, а куда дальше.

Летом 1943-го вовсю гремела большая война. Всем было не до того. Даже несчастный «Шлезвиг-Голштейн» к этому моменту уже подняли и отбуксировали в док «Шихау» на разделку. О Стэнли и Джеймсе почти все давно позабыли, кроме нескольких человек, кому что-то забывать по службе не положено. Впрочем, в Англии упомянутых джентльменов не обнаружилось. Оно и понятно, британские спецслужбы не идеальны, ошибки совершают, но такие характерные следы никогда не оставляют. Одна из старейших разведок Европы умеет подбирать кадры.

Глава 2

Крым

18 октября 1939. Кирилл

Мотор звенит, тянет в сверкающие выси. Машина рвется в небо, прямо к огромному яркому солнцу. Октябрь радуется редкой хорошей погодой. Прекрасная крымская осень. Ночью прошел шторм, оставил на пляжах горы водорослей и плавника. На море ровная зыбь. Над головой чистое небо, только далеко на юге редкие перистые облака. Внизу плотная густая белесая облачная пелена. Справа в разрывах видны Крымские горы. Облачная полоса закрывает море, над берегом чисто, а дальше опять проглядывает что-то темное расплывчатое.

«Курсант четвертый. Курсант четвертый, вернись на горизонт», – звучит в наушниках голос руководителя полетов.

Рука по привычке тянется к тумблеру рации и повисает в воздухе. Нет переключателя. На учебном «Сапсане» рация работает только на прием. Экономия, мать их так и за так!

Кирилл обернулся, покрутил головой, ведущего нет. Прапорщик Нирод явно дисциплинированно кружит над морем и костерит ведомого. Нарушаем, господин старший унтер-офицер Никифоров! А как тут не нарушить, не вырваться на вертикаль, если машина сама рвется в небо! Скучно и тяжело палубному моноплану плавно кружить по заведенному маршруту в пределах видимости наблюдателя с мостика. Мощная «звезда» мотора просит приоткрыть дроссель, ей душно в рекомендованном коридоре, триста метров над морем и до облачного горизонта.

Летчик сбрасывает обороты, толкает ручку от себя. И разворот. Машина легко слушается руля. Белые с темными прожилками, вкраплениями облачные кручи приближаются. Они кажутся заснеженными сопками, или валами распухшей ваты, или горными хребтами. Стрелка высотометра кренится влево. Впереди белое молоко, справа и слева какие-то прожилки, тягучие струи. По бронестеклу и обшивке стучат капли.

Облачный слой заканчивается неожиданно. Раз – и внизу прямо по курсу волны. Левее идут два истребителя. Справа на два румба прямоугольник палубы авианосца. От носа и кормы разбегаются пенные белые валы. Старичок дымит из обеих труб, напрягает машины.

Кирилл убавляет обороты мотора и пристраивается справа от ведущего. Радио молчит. Ненадолго эта тишина. Прилетает команда «Лидеру второму» проштурмовать авианосец. Арсений Нирод ведет свое звено к «Риону». Ведущий явно не собирается пропускать редкое зрелище – атаку истребителей на свой авианосец. Дело не в принадлежности, а в сомнительной осмысленности этого действия. Пулеметами только палубу поцарапать можно. Впрочем, в наставлениях рекомендуют обстреливать мостик, рубки и платформы зениток. Считается, так истребители облегчат атаку своим торпедоносцам и пикировщикам.

«Рион» близко. Уже хорошо заметны наклонные трубы, стойки и фермы под свесами палубы, четырехдюймовые полуавтоматы в бортовых спонсонах. Выделяются гнезда зенитных автоматов. А мостик и рубку с первого взгляда не найти. Спрятались. Вон, крыло мостика выглядывает из-под летной палубы. Там же уровнем ниже корабельная рубка. Первый и единственный в русском флоте гладкопалубный авианосец. Плод поспешных экспериментов первых послевоенных лет.

Тройка истребителей заходит на авианосец с носа. Короткая атака с пикирования. Два «Сапсана» выравниваются и уходят вправо над самой палубой. Третий мешкает и отворачивает влево. Инструктор по радио требует повторить. Выход из атаки только кажется простым маневром. Здесь важно сохранить строй.

Ага! Руководитель полетов усложняет задачу, и отнюдь не звену прапорщика Поливанова. Три истребителя на палубе выкатили на стартовые позиции и готовят к вылету. Опасное упражнение. Кто-то из палубной команды может струхнуть, выронить заправочный пистолет, дернуть не тот рычаг или забыть убрать колодки.

«Лидер третий, заходите на посадочную глиссаду!» – Это уже в адрес тройки Нирода.

Пока все четко. Авианосец идет против ветра. Не быстро, узлов двенадцать держит, значит, всего на двенадцать узлов уменьшается посадочная скорость. Не так уж и много, но и это уже хорошо, особенно для людей, второй раз в жизни сажающих «Сапсан» на авианосец. Каждый приземляющийся на маленькую, ходящую по волнам поверхность ценит эти самые выигранные метры убегающей палубы.

Первым идет Нирод. «Сапсан» ведущего четко заходит с кормы, выпускает закрылки и буквально прижимается к палубе. К машине бросаются матросы, отцепляют трос аэрофинишера, опускают сетку барьера и руками откатывают самолет вперед и к левому борту.

Пора. Кирилл сбрасывает обороты, выпускает шасси, обеими руками сжимает рычаг. Корабль приближается. Это уже не маленькая коробочка на темно-синих складках покрывала, а растущая на глазах стальная махина. Из-под кормы вырываются белые буруны. Кормовой свес плавно покачивается, подрагивает. Глаз цепляется за белый осевой пунктир. Единственный ориентир, путеводная нить Ариадны. Стоит промахнуться, и слетишь в холодные осенние волны. На бортовые сетки надежды мало, они могут не удержать.

От страха летчик стискивает зубы. По лопаткам пробегает холодок. Слишком близко, кажется, скорость высокая, приборы врут. Сейчас машина врежется прямо в корму или срежет крылом человека с флагами на балкончике, или промахнется, перепрыгнет аэрофинишеры, зацепится колесами за барьер и перевернется. Либо уже не хватит тяги мотора и скорости, чтоб уйти на второй заход.

Все получилось. Почти одновременно с взмахом флагами сигнальщика пилот выпустил закрылки и чуточку приподнял нос машины. Сбросить газ. Палуба под крылом. Рычаг от себя, буквально кожей, сидением чувствуя, как приближается настил.

Рывок аэрофинишера чувствительно швырнул человека вперед. Ремни впились в плечи. Подголовок кресла ударил по затылку.

– На «Чайке» было проще, – пробормотал Кирилл, глуша мотор.

Самолет уже покатило. Винт замедляет вращение. Стих гул мотора. На крыло забирается матрос и отстегивает замки. Крылья складывают вручную. Дополнительной механизации не предусмотрено. Кирилл сдвигает назад фонарь, в лицо бьет свежий соленый морской воздух. Слышны команды, беззлые матерки матросов, свист ветра. Пахнет бензином и маслами, а еще особым запахом горячего мотора.

Дима Кочкин садится третьим. Унтеру чуточку не хватает выдержки, как цепляется только за пятый трос. Машина по инерции летит вперед, останавливается буквально в сажени от сетки. Секунда, и самолет бросает назад пружинами аэрофинишера.

Разбор полетов проводили здесь же на летной палубе. Кирилл Никифоров уже внутренне приготовился к разговору, но начальство даже не соизволило уделить внимание «оторвавшемуся» от лидера ведомому. Прапорщик Нирод только показал кулак и прищурился. Подполковник Черепов больше внимания уделил второму звену. От острого взора начальника авиакрыла не укрылось неуверенное маневрирование при штурмовке, отделяющиеся от лидера ведомые.

Летавший с первым звеном комэск штабс-капитан Оффенберг отмалчивался. Показал себя он сегодня средне. Видно было, переучивание Владимиру Сергеевичу дается нелегко. Летчики отнеслись к этому с пониманием, комэск мастерски летал на «Чайке», сросся с этим прекрасным мощным, маневренным бипланом, увы, скоростноустаревшим. «Сапсан» куда строже в пилотировании, не прощает потерю скорости, но зато на вертикали ему равных нет.

– Вопросы? – прозвучала традиционная фраза после разбора.

– Господин полковник, у нас на сегодня будут еще полеты? – интересуется Нирод. Прапорщик намеренно опускает приставку «под». Принятый в армейской среде с прошлого века незатейливый подхалимаж.

– Будут, Арсений Витальевич. «Рион» идет в Севастополь. Вы через два часа летите в Саки. Там сдаете машины.

– Сдаем?! – вырвался многоголосый вопль.

– Сдаете учебные машины, – жестко произнес командир авиакрыла. – Наш «Двенадцать апостолов» проходит ходовые испытания и идет в Кольский залив. Так что, считаем, учеба на дедушке «Рионе» для вас закончена. Сдаете самолеты, едете в Москву на «Дукс». Там получаете боевые истребители и сдаете экзамен на пилотирование. Я лично попросил, чтобы вас там всех гоняли в хвост и в гриву, чтобы с летного поля не выпускали, чтобы на Ходынке дневали и ночевали.

Угроза подполковника произвела обратное действие. Даже Владимир Оффенберг повеселел. Остальные летчики, совершенно не стесняясь командира, в лицах изображали, как им будет тяжело над аэродромом «Дукса». В морской авиации свои представления о субординации. На земле пилоты и штурманы вели себя с командирами куда свободнее, чем то предписывалось уставами. Но в воздухе подчинялись старшим беспрекословно. Сами обер-офицеры тоже не стеснялись дружеских отношений с подчиненными.

Отчасти объяснялось это тем, что в специфической среде палубной авиации продвигались по службе в первую очередь сильные пилоты, способные показать класс своим людям. Немаловажно и то, что морская авиация у России немногочисленна, а палубные летчики тем более образовали своего рода спаянную касту. Далеко не каждый может хорошо летать. И далеко не каждый способен не только летать, но и думать в воздухе. Из тех, кто летает, самых толковых отбирал себе флот. А уж из этих лучших не все оказались способны взлетать и садиться на узкую палубу авианосца. И не все, один раз сумевшие посадить машину на корабль, отваживались на повторный эксперимент.

Да, вот так и шел отбор в полном соответствии с постулатами Чарльза Дарвина. Хорошие отсеивались. На палубах оставались только лучшие. Не удивительно, что со своими командирами людей связывало нечто большее, чем простая иерархия. Тот же подполковник Черепов за свою службу успел освоить больше дюжины машин, он летал не только на истребителях, но и на торпедоносцах. Вполне достаточно, чтобы его не только любили, но и уважали все морские летчики Северного флота.

Старый учебный авианосец сменил курс. Теперь он приближался к берегам Крыма. С верхней палубы и из трюмов поднимали торпедоносцы. Техники раскладывали крылья машин, крепили распорки, проверяли моторы и оборудование. Нормальный рабочий день на палубе. Константин Черепов готовился к занятиям со своими ударными экипажами.

– Зимовать будем на северах, печально это, – молвил Арсений Нирод.

– Так переводись на Балтику! – последовал незамедлительный ответ.

Раздались смешки летчиков. Всем было известно, в составе Балтийского флота нет авианосцев. Морская авиация работает с берега.

– Зато Москву повидаем.

– Много той Москвы? Начальник же пообещал, что с летного поля вылезать не будем.

– Днем летаем, вечерами по кабакам порхаем, – заметил Кирилл. – Пока молоды, надо все и везде успеть.

Два часа – это столько, сколько нужно техникам проверить и подготовить самолеты к вылету. Звучит команда «По машинам!». Один за другим пилоты заводят моторы. Пропеллеры превращаются в прозрачные звенящие круги. Под капотами «звезды» в 1250 «лошадок» мощностью жгут бензин на прогреве. Кирилл придиричиво пробегает взглядом по приборной

панели. Стрелки на нулях. Только тахометр показывает холостой ход. Индикаторы оружия можно и не проверять. Все равно, патронов в пулеметах нет. Учебный вылет в мирное время, кому нужны лишние происшествия и несчастные случаи?

Стрелка датчика температуры медленно сдвигается и ползет к зеленому сектору. Все. Еще немного и снова в небо. «Сапсан» машина новая. Только-только пошла в серию. Кириллу несказанно повезло попасть в число первых пилотов этой машины. Повезло дважды. Сначала перевод из полка берегового базирования в палубную элиту. Затем выяснилось, что новейший авианосец «Двенадцать апостолов» вооружают новейшими самолетами.

Повезло и в том, что начальник авиаотряда сумел через штаб эскадры и командование флота выбить для своей формируемой команды учебу в Крыму. Это и мягкая черноморская осень вместо свинцового тяжелого неба и пронизывающих ветров со снегом аэродромов Колы. Это и работа с профессиональными инструкторами, вывезшими истребителей на спарках. Это и полеты с палуб учебных «Риона» и «Кубани».

Пилотам «Наварина» приходится сейчас осваивать новую технику в куда менее комфортных условиях. Все же климат в Романовском порту мерзопакостный. Гольфстрим не спасает. Вон, Черепов на днях обмолвился, у «наваринцев» уже две аварии. Обе при посадке на палубу.

Время. Авианосец идет против ветра. Самолеты один за другим увеличивают обороты моторов и стартуют. Короткий разбег, машина срывается с палубы, зависает над волнами и плавно набирает высоту. У Кириллы в этот момент, как всегда, сердце замерло. Нет, машина вытянула. Главное, назад не оборачиваться, чтоб не видеть нависающий над хвостом самолета срез палубы корабля.

Дюжина истребителей сделала прощальный круг над авианосцем и ушла к берегу. Курс штабс-капитан Оффенберг проложил точный, эскадрилья вышла прямо к озеру Девичий Берег. После крошечной, качающейся палубы авианосца посадка на аэродром не доставила проблем. Широкое летное поле укреплено стальной сеткой и не раскисает ни весной, ни осенью.

Самолеты вырулили к парковкам учебного авиаполка. Кроме полудюжины новых «Сапсанов» здесь стояли ударные монопланы «Баклан», несколько палубных торпедоносцев, привычные Кириллу Никифорову «Чайки» и даже уже устаревшие И-47 К. Дальше в направлении поселка над полем возвышались четырехмоторные стратегические «Остроги» и скоростные бомбардировщики «Авиабалтовских» серий.

Да, крымские Саки облюбовал не только учебный отряд Черноморского флота, но и стратегическая армейская авиация. В организационном плане это доставляло некоторые неудобства. Флот уже несколько раз пытался «сковырнуть» армейцев с аэродрома, но безуспешно. В Генштабе полагали, что тяжелым бомбардировщикам нужна хорошо оборудованная тыловая база, а степь под Саками может разместить целую воздушную армию, если вдруг кому придет в голову такую сформировать.

Да, на флоте любят все решать быстро. Только летчики успели пообедать, как дежурный по аэродрому потребовал срочно явиться в штаб. Там людям штабс-капитана Оффенберга вместе с другими истребителями-«апостолами» вручили билеты на поезд от Симферополя до Москвы. Отправление завтра 19 октября. Машины выделяем. Извольте не опаздывать, господа обер-офицеры и унтер-офицеры.

В отличие от действующих авиаполков на учебном аэродроме унтеры питались в своей столовой отдельно от «ваших благородий» и рядовых. За ужином фельдфебель Марченко высказал идею устроить прощальный ужин, но не как все в трактире или ресторане, а взять в лавке мясо, овощи, фрукты, корзины три вина, да расположиться на берегу моря.

– С Крымом прощаемся, все-таки. Давайте по-человечески все сделаем.

Увы, понимания эта идея не нашла. К вечеру похолодало, закрапал мелкий дождик. Антон Марченко пытался сыграть на совести и гордости, дескать, невместно крымской непо-

годы бояться, когда и так на Север уезжаем. Бесполезно. В результате шумная компания «апостолов» вечером завалилась в ресторанчик «Тулон», где и оккупировала половину зала.

Сколько раз замечалось, на службе разговаривают о чем угодно, кроме дела, но стоит сослуживцам собраться вечером за столом, как все разговоры сводятся к рабочим вопросам. Удивительная особенность человеческой психики, однако.

Разумеется, в этот день все вертелось вокруг недавно прогремевшей Польской войны. Летчики с жаром обсуждали газетные репортажи, журнальные статьи. Вспомнили весьма грамотное эссе в «Морском сборнике» за авторством господина Погостина. Затем Кирилл упомянул впечатлившие его репортажи господина Симонова, уникама российской журналистики, оказавшегося уже второго сентября на фронте со стороны польских частей, выжившего в жуткой мясорубке под немецкими ударами, счастливо избежавшего окружения в Варшаве и пробившегося вместе с польскими беженцами к погранпереходу под Холмом.

Что ж, тема животрепещущая. Если немецкий флот в этой операции особых успехов не имел, ввиду поспешного разбегания противника по нейтральным портам, то фронтовая авиация показала себя во всей красе. Именно ударные самолеты прокладывали дорогу танкам и пехоте. Современная война – это не окопы и ряды колючей проволоки, а концентрация огня и дерзкий прорыв. Несмотря на незначительное численное превосходство, немцы подавили поляков мощью подвижных частей, связали маневром и силой авиации, разгромили польские армии по частям.

Молодые летчики, а другие на авианосцах долго не держатся, с жаром обсуждали бои в Польше, все как один считали, что время старых армий прошло. Будущее за новым оружием. Что ж, молодости свойствен максимализм. Она всегда за все хорошее, порой не понимая, что это такое.

Глава 3

Санкт-Петербург

20 октября 1939. Иван Дмитриевич

Этот день испортила трещина. Банальная такая усадочная трещина. Инженер Никифоров оторопело глядел на широкую вертикальную щель с рваными краями, разрезавшую кладку первого этажа. Трещина сужалась к коколю и доходила до самой земли. Верхние ряды кирпича перекрывали дефект, явно каменщик постарался загладить огрех, связать стену свежей кладкой.

– Это что такое? – бровь Ивана Дмитриевича нервно дернулась.

– Три дня как появилась. Не беспокойтесь, господин инженер, я приказал поверху дополнительную арматуру в швах пустить, – отреагировал десятник. На лице человека не отразилось никаких эмоций, дескать: «Ерунда какая-то. И с чего господин инженер нервничает-с?»

– Три дня.

Никифоров в последний раз появлялся на строительстве школы в среду. Сейчас пятница. Прошлый обход он провел галопом в быстром темпе. Резво пробежались по площадке, выслушал претензии крановщика, дескать, лебедки скрипят, троса пора менять, пообещал прислать новый трос и дать механика. Куда больше внимания инженер уделил перекрытиям над спортзалом, который возводился опережающим темпом.

– Загребин!!!

– Сей секунд, – отозвались откуда-то сверху.

Через три минуты к инженеру спустился мастер Загребин. Серьезный, чуточку задумчивый, но ответственный молодой человек. Никифоров молча ткнул пальцем в направлении так озадачившей его трещины. Петр Загребин даже не стал оправдываться, только пожал плечами – ну бывает, не уследил.

Никифоров набрал полную грудь воздуха. Живописные образные яркие эпитеты и метафоры инженера привлекли к происходящему внимание рабочих и специалистов. К компании присоединился второй мастер, господин Савельев, за ним подошли два десятника и несколько мастеровых.

На дворе вторая половина октября, прекрасные солнечные деньки, ночью подмораживает, но днем устойчивый плюс. Каменщики только две недели как перешли на зимний раствор. Трещина не от неравномерной нагрузки и не вследствие зимней кладки. Первый этаж поднимали в сентябре. Все это вихрем пронеслось в голове Ивана Дмитриевича. Еще раз уже сдержанно выругавшись, инженер побежал смотреть остальные стены восточного блока школы. Мастера и десятники рванули следом.

Что ж, начавшийся так хорошо восхитительный осенний день плавно перетек в кошмар строителя. Через час после начала обхода господин Никифоров смолил вторую сигарету в конторке на площадке, потягивал крепкий чай, не чувствуя вкуса, и с мрачным видом листал схемы сьемок и исполнительные чертежи.

– Петя, хватай нивелир, бери Митрофаныча и кого сам захочешь из молодых сообразительных. Пересними мне сей секунд фундаменты.

– Так как я их пересниму? Мы же пазухи засыпали.

– Из подвала поработаете. Исхитритесь, но сделайте. Все вертикальные отметки пере- проверить. Есть у меня одно подозрение, – скривился Иван Дмитриевич.

Петр Загребин мигом вылетел из конторы, за ним последовал десятник. Оставшись в одиночестве, Никифоров стиснул кулаки от бессилия и погрузился в изучение ведомостей и рабочих табелей. Работа муторная, но необходимая. Мастера и десятники иногда да вписывают

лишнее, водится такой грешок. Списание материалов, перерасход, завышенные расценки – известные еще со времен каменщиков царя Соломона вещи. Говорят, строители пирамид тоже таким образом творчески развлекались.

«Не вводи во искушение» – вот и не будем вводить, хмыкнул Никифоров, ставя жирный вопросительный знак напротив строчки с расходом арматуры. Часы работы бетонщиков тоже показались подозрительными. Явно выше нормы выработки.

Петру на повторную съемку потребовалось всего два часа. По опущенным плечам и понурому виду вернувшегося в контору мастера читалось, что ничего хорошего он не принес. Отметки на схемах только подтвердили подозрение. Увы, вердикт однозначен – фундамент просел по всей оси крыла здания. Причем господин Загребин острым взглядом отметил даже свежие трещины в бетоне монолитных ростверков. Настроение у инженера окончательно пропало.

– Сваи же держали. Сам наблюдал, как их забивали! – возмутился Гена Савельев. – Дизель-молотом били!

– Остановить работу! – Никифоров ударил кулаком по столу. Чашка с недопитым чаем подпрыгнула. Карандаш скатился на пол.

– Немедля останавливаем все от девятой оси. Нет, весь корпус останавливаем. Рабочих с завтрашнего дня забираю на другие объекты. Оставьте только тех, кто нужен на спортзале.

– Может быть, гаражи и учительские дома вытянем? Они же отдельными зданиями.

– Хорошо, – соображал Никифоров быстро. – Перебрасывайте людей и технику на дома и спортзал. Основной корпус замораживаем. Гаражи тоже.

– В график не успеем, – тихо молвил Савельев.

– Черт с ним, с графиком.

– Я могу позвонить геологам, тем, что нам разведочное бурение проводили. – Загребин взялся за телефон и бросил вопросительный взгляд на инженера.

– Звони. Закажи сразу две скважины у западной стены. Сам определишь, где бурить.

Коллизия со школой в Гражданке разрешилась через неделю. Ну как сказать, с точки зрения господ из Технико-строительного надзора губернии и руководства заказчика, лучше бы она не разрешалась. Разведочные скважины вскрыли банальное древнее болотце или русло речки, погребенное под наносными глинами. В кернах обеих скважин: торф, иловые отложения, подлые ленточные глины. Сваи по крайней оси удачно повисли в своде над торфяным слоем, получив нагрузку от стены, они просели. Бывает такое, редко, но бывает.

Визит в Министерство народного просвещения позволил разрядить обстановку, но не до конца. Чиновники из строительного управления покачали головами, приняли к сведению коллизии. Хорошо, начальник управления, старый знакомый Никифорова, посодействовал чем мог. С позиции министерства решение вынесли в пользу подрядчика.

Смету увеличили, неподвиденные обстоятельства приняли. Однако от товарищества «Северный монолит» потребовали совершить подвиг, вымолить настоящее чудо, если быть честным. Школу со всеми постройками требовали сдать к сентябрю сорокового года. Иначе за срыв сроков кому-то придется отвечать.

– Ты же сам инженер, Игорь Иванович! Ты же понимаешь, битумную или цементную подушку я только в апреле смогу закачать. В зиму такую работу не делают. Нужен теплый грунт. Цемент не схватится. И битум затвердеет рано, не свяжет грунт.

– Грейте скважинами, раскапывайте это болото и расторфовывайте, но чтоб сдали в срок!

Никифоров хотел было возразить, но одного взгляда на заказчика хватило чтобы понять – бесполезно! Только хуже будет. Глубоко вздохнув, Иван Дмитриевич раскрыл папку и принялся перебирать бумаги.

– Пойми, не товарищ министра так губернские власти спросят. Им просадка фундамента индифферентна. Дети в Кушелевку каждый день ездят, и там, и в Гражданке и так школы переполнены. Губернатор не с меня, не с тебя спросит, а к министру пойдет. А если столичный генерал-губернатор заинтересуется?! Ты же сам знаешь, все наши пригороды это уже как город!

– Так бы и сказал сразу, только мы в зиму уходим. Не по-божески получается, Уставы и Уложения нарушать придется. Кто, если что, отвечать будет?

– Дай бог, в ноябре грунт не застынет. Там управимся, я тебе субподрядчика хорошего представлю. Вытянем школу.

Никифоров уже внутренне согласился с доводами. Не такой уж и риск, можно попытаться, авось прокатит. Помнится, в Маньчжурии на рудниках и не на такие экспромты приходилось идти. Выкручивался. В голове что-то щелкнуло, словно повернули рубильник, и свет включился.

– Попробуем. Только ты мне дай техническое решение на казенном бланке с печатью. Знаешь, не хочу искушать Господа.

– Будет тебе решение, – господин Игорь Фомин обреченно махнул рукой. – Завтра все едем в Гражданку, обследуем честь по чести. Не обессудь, но городского архитектора тоже приглашу. Пусть тоже подпишется. Руднева Льва Владимировича тоже беру.

– Завтра в девять? За тобой заехать? – обрадовался Никифоров.

– Давай в десять. Мне с утра надо к Ефимову заглянуть на гимназию в Пискаревке. Затем к тебе. Буду на служебной, так что смотри, если завязну, сам толкать будешь.

Министерский чиновник не подвел. Комиссия походила и поохала, ответственные господа сами пощупали стены, фундаменты, глубокомысленно изучили трещину, долго читали отчеты изысканий. Товарищество «Северный монолит» получило ответственное решение, все честь по чести. Чуть позже согласовали и новую смету. Вот только Техстройнадзор настоял на расторфовке открытым способом. «Шесть саженей всего». На предложение закачать цементную подушку заслуженные седовласые архитекторы МВД серьезно задумались, но решили не экспериментировать. «А как вы, дорогой Иван Дмитриевич, несущую способность зимой проверите? Заморозите линзу, а она весной возьмет да оттает».

Пока обсуждали да решали, пока Никифоров с партнером закупили шпунт для отсечки подземного русла, наступил ноябрь. Закружила поземка, затем подтаяло, теплый ветер принес слякоть, не успевшая замерзнуть земля раскисла. Световой день сократился совсем неприлично. Не успеешь людей расставить, как небо темнеет. Приходилось прожектора включать. А много ли землекопы наработают с таким освещением? Тем более ставить экскаватор у фундаментов Иван Дмитриевич и его партнер опасались.

Глава 4

Царское Село

20 октября 1939. Князь Дмитрий

– Рассказывайте, князь, – сидевший во главе стола мужчина средних лет в мундире гвардейского полковника наклонился вперед и уставил на собеседника пристальный взгляд зеленых глаз. – Рассказывайте, какого черта вы передали протоколы допросов журналистам?

Собеседник устало потер виски и согласно кивнул. Взгляд государя он выдержал спокойно. Признаться, человек сильно устал за этот день. Еще рано утром он был в Тегеране, а сейчас мог созерцать из окна осенние пейзажи Александровского парка Царского Села.

– Ваше величество, я опасался, что вы не успеете разрешить.

– Очень интересно.

– Из трех пойманных агентов у двоих дипломатическая неприкосновенность. Их надо было либо закопать, либо отпустить. Первое рискованно, слишком много людей знало, кто нам попался. Второе вело к серьезному скандалу. Я сыграл на опережение, добился публикации в наших, немецких и американских газетах нашей версии событий. Копии протоколов допросов поспособствовали верификации версии. Счет шел на часы.

Император нахмурился. С минуту он смотрел на собеседника, затем расслабился.

– Хорошо. Буду надеяться, ты все сделал правильно, Дмитрий. Я собирался спустить дело на тормозах. Пока ты развлекался в Персии, англичане пытались договориться о новом разделе зон влияния. Теперь понимаю, это была игра.

– Согласен, ваше величество. – Легкий кивок. Князь крови Дмитрий Александрович сплел пальцы перед собой и продолжил: – За мятежом определенно стоят британцы. Спецслужбы шаха прохлопали ушами начало выступления, но нам повезло, столичный гарнизон не поддержал мятеж, а наши казаки первыми открыли огонь по толпе.

– Скажи лучше, ты поднял людей по тревоге, – улыбнулся император. – Хорошо, что все хорошо закончилось. Но ты смешал мне все карты.

Князь Дмитрий поднялся со стула и подошел к окну. Со второго этажа царской резиденции открывался великолепный вид на парк. Октябрь месяц. Золотая осень. После трущоб и дворцов Тегерана, полевых лагерей русских механизированных частей, пыли дорог, грязи узких улочек восточного города вид на русскую осень радовал глаз. Душа отдыхала.

– Ты, скорее всего, не в курсе, я отдал приказ спешно перебрасывать в Персию дополнительные части из Закавказья и Туркестана. – Алексей Николаевич откинулся на спинку кресла и закурил.

– Пара бригад не помешает.

– Пока шесть дивизий и четыре мехбригады. Вторым эшелоном идет третий мехкорпус.

– Так все серьезно? – Бровь князя поползла на лоб.

– Одно к другому. Наши мирные инициативы по Польше провалились. Если Чемберлен проявил заинтересованность, то правительство Деладье встало на дыбки. Они решили драться до конца.

– Что сообщают из Берлина?

– Немцы держат паузу. Штрассеры благодарны нам за посредничество, но сами много не ждут. Ты понимаешь.

Князь Дмитрий опять кивнул. По долгу службы ему приходилось погружаться в хитросплетения мировой политики. Он и карьеру начал по линии МИДа. Работал помощником посла в Белграде, затем занимался русской политикой Франции, пока его не заметил венце-

носный родственник. Последние годы князь крови Дмитрий Александрович трудился личным порученцем цесаревича, а затем царя Алексея Второго.

– Если хочешь, кури. – Алексей щелкнул по портсигару. – И чтоб я в последний раз слышал от тебя «ваше величество».

– Хорошо. Кофе у тебя варят?

– Не обедал?

– Есть такое.

Император поднял трубку телефона, крутанул диск.

– Принесите два кофе и бутерброды прямо сейчас. Ужин на двоих в кабинет, поторопитесь, если не затруднит.

Отдав распоряжение, царь направился к окну. Погода за окном радовала. Совсем некстати вспомнилось, что в такой чудесный солнечный день пришлось работать не покладая рук – разбираться с отчетами и докладами, принимать министров, провести два совещания. Это все не считая телефонные звонки. Алексей искренне надеялся, что после ужина удастся ухватить час на прогулку по парку. Врачи настойчиво рекомендовали не зарабатывать и дышать свежим воздухом. При мысли о врачах лицо самодержца исказила гримаса, завтра по графику очередное переливание крови. Увы, с этим приходится жить.

– Как здоровье Натальи Сергеевны? Дети в Царском Селе?

– Спасибо. У них все хорошо. Наташа на днях взяла на попечение сиротский приют в Колпино. Устроила там погром, как в Одессе, довела до приступа попечителя, не сходя с места провела экзаменацию среди воспитанников.

– И?

– Дюжину мальчишек перевела в кадетские классы, а несколько девиц отправила в Смольный. Дескать, считает, из них толк выйдет.

– Выйдет или войдет?

– Ты же знаешь мою Наталью.

– Знаю, – по-доброму улыбнулся князь. К супруге сюзерена он питал теплые дружеские чувства.

– Георгия вчера учил полевой топографии, он у меня с двумя казаками съемку делал.

– Получилось?

– Не сразу, но кроки накидал.

Разговор прервал вежливый стук в дверь. Принесли большое серебряное блюдо с бутербродами и кофе. В этот момент у князя под ложечкой предательски засосало. Нормально ел он прошлым вечером. В самолете только легкий перекус консервированной ветчиной с хлебом. Увы, многомоторный роскошный «Форпост» пусть и из императорского авиаотряда, но готовили к вылету в спешке. О том, что пассажирам и экипажу надо что-то есть, вспомнили в последний момент. Да, летел князь Дмитрий не один, с ним вывозили пятерых раненых казаков и троих офицеров штаба. Плюс раненых сопровождала медсестра.

– Не давайся, скоро принесут нормальный ужин. Как ты относишься к форели?

– Всенепременно.

Впрочем, слова императора возымели свое действие, князь Дмитрий сбавил темп, оставляя место для ужина. Как он помнил, у сюзерена в домашней обстановке всегда кормили обильно, вкусно, но без изысков. Алексей Николаевич с юности предпочитал пищу простую, тех же пристрастий придерживалась Наталья Сергеевна. Надо сказать, как и венценосный супруг, с детства не избалованная роскошью, дочь небогатого служивого дворянина.

О делах больше не говорили. Алексей завел разговор о театральных премьерах, очень рекомендовал найти время, заглянуть с семьей в Мариинский. Дмитрий в свою очередь делился впечатлениями о Персии и нефтяных полях под Стерлитамаком, куда его заносило по делам романовских предприятий. Будучи доверенным лицом императора, иногда исполнял и

такие специфичные задачи, как на месте оценить перспективы финансовых вложений в нефтесудобу или промышленность.

Ужин не разочаровал. Тем более к трапезе в кабинет заглянула императрица. Дети тоже нашли повод проведать отца и повидаться с «дядей Димой». Пришлось звонить на кухню, заказывать еще приборы и блюда. Так деловой ужин незаметно превратился в семейное мероприятие. Пусть все внимание уделялось Алексею, но и Дмитрий не чувствовал себя обделенным. Заодно Наталья Сергеевна вытребовала у князя обещание приехать в следующий раз с семьей.

– И не вздумайте оправдываться, – заявила императрица, – даже рабочие у станков работают пять дней в неделю. Будете нарушать трудовое законодательство, пожалуюсь на обоих в Заводскую инспекцию!

– Так мой же папа эти законы и утверждал! – из Алексея вырвался изумленный возглас.

– Тем более, какой пример подаешь людям?

– Папа тоже не ленился. Не могу, кто кроме меня эту глыбу тащить будет?

Отбивался царь порядка ради. Да и супруга понимала, не может он иначе. Фирменное романовское упрямство – привык сам вникать во все дела, если упрется, горы сдвинет, весь в отца.

Ужин в узком кругу близких друзей, императорской семьи, умиротворяющая атмосфера Александровского дворца словно неожиданный подарок после насыщенных, регламентированных мероприятий при дворе шаха. А скромная пища русской аристократии отдых желудка после невоздержанности и расточительного чревоугодия Востока. Только сейчас Дмитрий почувствовал себя дома, довлевшее напряжение отпустило.

Князю приятно было слушать рассказ императрицы о ее поездках по приютам, слышать искреннее возмущение скудностью быта несчастных сирот, видеть, как Алексей поддерживает супругу. Приятно было перекидываться с людьми за столом короткими фразами, чувствовать внимание со стороны хозяйки дома. Радовали восхищенные взгляды мальчишек, их жизнерадостные загорелые лица. Даже то, с каким восторгом цесаревич взирал на модель линкора «Моонзунд», как он аккуратно касался башен, надстроек, сдувал невидимые пылинки с решетки радиодальномера радовало взор, на душе наконец-то все улеглось. Увы, счастье мимолетно. Все разрушил телефонный звонок.

– Алексей на линии.

Пока император слушал доклад, его лицо мрачнело, скулы обострились, в глазах появился нехороший отблеск.

– Хорошо. Утром жду доклад в Александровском, малый кабинет, – с этими словами Алексей положил трубку.

Дмитрий следил за мимикой, сдержанными жестами царя во время разговора. Предчувствие прямо кричало, ничего хорошего этот звонок не принес, об отдыхе можно не думать. Холодный, чуточку отрешенный взгляд государя красноречивее лучше всяких слов. Алексей прошелся по кабинету, скрестив руки на груди. Наталья бросала на супруга полные нежности и тревоги взоры. Сложно сказать, чего в этом взгляде было больше: сочувствия, готовности защитить или желания разделить крест и хлеб с этим человеком.

– Из Канцелярии доложили, – нарушил молчание император. – Экстренная телеграмма из Лондона. Сообщают, Средиземноморская эскадра завтра получит приказ провести маневры в Архипелаге совместно с греческим флотом. Правительство Метаксаса так пытается укрепить свои позиции. Завтра немцы заявят решительный протест.

Дмитрий хлопнул себя по лбу. Кризис в Греции он как-то упустил из виду. Не все ладно в этом маленьком королевстве. Страну раздражает конфликт между пробританской, прогерманской и прорусской партиями. Да еще коминтерновцы воду мутят.

Теперь стала ясна реакция царя, если британцы закрепятся на Пелопоннесе, а они закрепятся, Дарданеллы окажутся в прямой досягаемости от новых британских баз. Судостроение

под угрозой. В случае обострения ситуации придется конвоировать и прикрывать коммерсантов. Мало того, все маневры русского Средиземноморского флота проходят в радиусе действия авиации с греческих аэродромов.

– Ты в Персии все правильно сделал. Лондон под соусом войны с Германией пытается нас подвинуть на Востоке.

– Вводим войска в Смирну? – соображал Дмитрий быстро. И он знал, что в Греции сильная прорусская партия. Причем наиболее влиятельны наши союзники в азиатских владениях. Помнят, благодаря кому удалось взять и удержать жирный кусок в Анатолии.

– Да. Если все будет плохо, я поддержу Смирну против Афин. Тебя это пока не касается, но мы начинаем скрытую мобилизацию. Видит Бог, я не хочу войны. Молюсь, чтоб нашим людям не пришлось умирать в окопах, но, если в Париже и Лондоне не поймут, что нас лучше не задевать, я ударю первым.

Алексей стиснул кулаки. Его глаза сверкнули холодным огнем.

– Надеюсь, им хватит благоразумия не умножать себе врагов сверх меры.

– Мне лететь в Грецию или Турцию?

– Не спеши. Тебе отдыхать. Возвращайся к текущим делам и держи руку на пульсе. Твой фронт работы Персия. Грецию и Смирну поручу дипломатам и морякам.

– Алеша, Диме сегодня еще в город ехать, – вмешалась Наталья Сергеевна. – Давай оставим дела на завтра. У тебя министры и генералы есть. Пусть поработают.

– Молодые люди, все, что слышали, здесь и останется.

– Хорошо, папа, – отозвался младший Петя.

Цесаревич молча кивнул. Мальчик давно понял, вокруг слишком много ушей и случайных слушателей. И не все его друзья достойны доверия.

Вечером после ужина, простившись с Алексеем и его семьей, Дмитрий Александрович спустился вниз. Знакомые лестницы и коридоры, давно привычные переходы, везде электрические люстры, редкие встречные, персонал и поздние посетители не обращают внимание на мужчину в кожаной летной куртке, с усталыми глазами и щетиной на щеках.

У крыльца главного входа ждал роскошный «Руссо-Балт» из императорского гаража. Острый глаз заметил казаков в тени под окнами дворца и в укрытиях. За воротами к лимузину присоединились две машины с охраной. Обычные непримечательные АМО черного цвета. Это уже признак надвигающейся грозы. Совсем недавно обходились одним охранником в машине и пистолетом у водителя. Значит, Алексей опасается покушения. Предусмотрительно. В глобальной Игре сплелись интересы самых разных участников. Явно царь готов к Игре, он защищается и одновременно дает знак – не стоит сбрасывать нас со счетов. Русские если бьют, то сразу и смертельно.

Заинтересованные наблюдатели, а только прекраснодушный идиот думает, что за царскими резиденциями не наблюдают агенты, журналисты, вольные авантюристы, видят, что Алексей принял меры предосторожности. Из этого делаются выводы. А вот насколько они правильные, зависит от многого, в том числе и от царя и его министров.

Мощный бронированный автомобиль быстро преодолел расстояние до города. Водитель легко вел машину, с ревом обгоняя грузовики и многочисленные легковушки, благо широкое асфальтовое шоссе так и манило придавить газ. Подвезли прямо к парадной. Впрочем, на соседей и дворников это не произвело никакого впечатления. Эта улица видела и не такие авто.

Дмитрий снимал апартаменты в новом доме на Муромской улице Корпусного участка. Хорошее комфортабельное жилье, половина девятого этажа в полном распоряжении семьи. Дом и квартира оборудованы по последнему слову техники. На парадную по два лифта, плюс отдельный для прислуги в блоке с черной лестницей. Да, не дешево. Но зато до здания МИДа четверть часа неторопливым шагом, для детей рядом школа, есть детский сад. Перед парадной просторная площадка для машин.

Дверь в квартиру открылась одновременно с дверью лифта.

– Дима! – его уже ждали.

– Я дома, Мариночка. – Только и успел сказать, как его губы запечатали уста супруги.

На следующее утро князь Дмитрий отправился на службу. Гладко выбритый, отдохнувший, благоухающий хорошим парфюмом. Только на улице он вспомнил об одной несуразнице – из Царского Села его везли под охраной, а в городе сопровождения нет. Конечно, район под наблюдением полиции и жандармской агентуры, в плечевой кобуре пистолет, но от покушения это не спасает. Видимо, в особых службах Канцелярии не считают, что министру без портфеля что-то грозит. Значит, опасались за машину с гербом из императорского гаража, а не пассажира. Впрочем, бомбистов и социалистов придушили еще в 20-е годы, Коминтерн вычищен под ноль. О политических убийствах давно не слышали. Видимо, царская охрана перестраховывается, а сам Алексей не вмешивается в работу специалистов. Все равно волкодавам лучше знать, как защищать подопечных.

Здание МИДа располагалось к северу от величественного дворца Совета Министров. Облицованное гранитом, украшенное готическими башнями и колоннами, с высокими окнами, устремленным в небо шпилем здание Совмина в народе прозвали «Красным замком». На этом месте недалеко от аэродрома, к югу от сплошного пояса промышленной застройки сразу после войны воздвигли целый правительственный комплекс. Еще Николай Второй избрал в качестве своей резиденции Царское Село, он же решил перенести министерства, присутствия, комитеты ближе к себе. Время было соответствующее, страна с победой вышла из тяжелой войны, деньги в «ревущие двадцатые» в казне водились, Россия могла себе позволить многое. Что характерно, Думу так и оставили в Таврическом.

Здесь на свободных землях вырос целый район – Комендантский участок. За считанные годы на месте полей, рощиц и пустырей поднялись дворцы, храмы, жилые дома, вытянулись к небу титанические тучерезы. Ради удобства обитателей, на участок завернули железнодорожные пути и трамвайные линии, к аэродрому бросили шоссе с мостовыми развязками над Московским проспектом. Сюда же дотянулись подземные электрические туннели метро. Строительство нового района подтолкнуло развитие всех южных окраин города. Застройщиков привлекли близлежащие Княжево, Романово, Купчино, оживилось Петергофское шоссе. Город рос. Столица расцветала и строилась.

В кабинете Дмитрия уже ждали секретарь и целая гора корреспонденции. Большую часть документов и материалов отработали сотрудники и помощники, но что-то требовало решения самого министра.

– Арсений Павлович, лучше сразу скажите, стоит это все читать?

– Не могу знать, ваше высочество.

– Не тьяни.

– Только могу рекомендовать ознакомиться с нашими предложениями вот в этой стопке. Вторая пачка на случай если сами захотите проверить. А вот это требует вашего изучения. – Помощник коснулся ногтем синей папки. – Дмитрий Александрович, вся секретная корреспонденция в вашем сейфе.

– Много? – князь опасливо покосился на несгораемый шкаф.

– Пакеты из Канцелярии Его Императорского Величества и Жандармерии. Последний пакет со штампом из Канцелярии только вчера утром фельдъегерь доставил.

– Хорошо, Арсений Павлович, можете идти. До обеда я доступен только для особо важных звонков и визитов.

Когда за помощником закрылась дверь, Дмитрий Александрович пододвинул к себе первоочередные документы и взял в руки карандаш. Его хватило минут на десять. Потребовалось срочно перекурить. Отвык уже от такой работы. Много приходилось вспоминать или звонить своим людям, просить освежить материалы.

Пароль к сейфу прежний. После нажатия на нужные кнопки дверца легко открылась. На полке сверху лежал конверт с императорским вензелем и штампами фельдъегерской службы. А в конверте обнаружился указ за подписью самого Алексея и погоны генерал-майора от кавалерии.

– Спасибо тебе, твое величество, – выдохнул Дмитрий.

И ведь вчера царь ни словом не обмолвился. Умеет сюрпризы преподносить.

Дополнительный оклад, возможность сверкнуть в свете, надавить на военных авторитетом погон – это хорошо. Но с другой стороны, есть и интересные моменты. Ответственность и спрос. С учетом недавних событий на периферии и войны в Европе это может быть и намеком на другой уровень задач. От Алексея можно ожидать чего угодно. Царские любовь и доверие бывают опаснее царской опалы.

Обычно обедал Дмитрий в отдельном кабинете ресторана на первом этаже МИДа. Неплохое заведение с расторопными половыми, хорошей кухней и уютным интерьером. Время летело незаметно, большая стрелка часов подошла к единичке, когда Дмитрий оторвался от работы и потянулся, уже предвкушая обед и собираясь звонить в ресторан.

Не успел взяться за аппарат. Бодрая трель звонка. Звонил черный телефон с бронзовой трубкой.

– Министр Романов.

– Дмитрий Александрович, – раздается хорошо знакомый бодрый голос императора. – Я в «Красном замке». Через два часа у меня совещание по нефтедобыче и нефтепереработке. Жду.

– Какие материалы приготовить?

– Вспомни все, что знаешь. Докладывает Вышеградский. Англичане снижают объемы добычи на Мосульских месторождениях.

– Хорошо. Буду.

При некотором размышлении Дмитрий пришел к выводу, что нет смысла пропускать обеденный перерыв. Приглашают его на крайний случай. Так оно и получилось. Новый министр торговли и промышленности бодро доложил текущее положение, было видно, цифры он брал из сводных отчетов своего ведомства, в тонкости не погружался. Алексей отнесся к господину Николаю Вышеградскому благосклонно, похвалил и попросил за две недели подготовить новый доклад и план мероприятий на случай перекрытия импорта нефти из британских владений.

В целом, информация заставляла задумываться. Дмитрий знал, что нам своей нефти не хватает, но даже не подозревал, что Россия в год покупает два миллиона тонн «черного золота». Это проблема. По крайней мере пока промышленники не нарастят добычу под Стерлитамаком и не выведут в полную силу Ромашкинское месторождение.

Глава 5

Франция. Мец

24 октября 1939. Алексей

– Рихард, мне страшно, – тихо прошептала Ольга.

Она лежала на муже, как есть в negligee. Редкие минуты, когда можно было быть самой собой в ласковом обволакивающем мраке спальни. Редкие минуты без одежды, без этих смешных архаичных приличий, вульгарных запретов, обывательского ханжества.

– Что с тобой, милая? – дома наедине они говорили по-русски.

Рихард прижал крепко супругу. Одной рукой нежно провел по спине, чуть задержался на пояснице. Затем его ладонь по-хозяйски стиснула попку жены. Оля пошевелилась, устраиваясь поудобнее. Однако ее лицо оставалось серьезным и чуточку грустным.

– Я слышала разговор в лавке. Местные, они серьезно обсуждали, что будут делать, когда придут немцы. Ты не представляешь, как это было слушать. Пожилая дама с зонтиком набирала картошку и рассказывала такой же даме, что уже готовится освободить комнаты от жильцов для немецких офицеров.

– Оля, мы в Лотарингии. Половина местных немцы. Они общаются с родственниками в Германии, читают немецкие газеты, слушают радио.

– Почему власти это не запрещают? Рихард! – В голосе женщины слышались отчетливые истерические нотки. И она всегда называла мужа только этим именем, только Рихард, хотя знала его первое имя. Знала, не могла забыть, но и не хотела вспоминать. Слишком много неприятного и страшного оказалось связано с одним известным тезкой супруга.

– Милая, это все пена, глупые обыватели. Сегодня они ждут немцев, а завтра будут свистать вслед колоннам пленных фашистов.

Ольга хотела ответить, но Рихард запечатал ее рот поцелуем. Руки мужчины блуждали по плечам, спине, попке, груди женщины. Неумолимый, настойчивый нежный натиск. Ласковая атака. Штурм, которому невозможно противостоять.

Наконец, женщина расслабилась и сдалась. В последние годы они с мужем слишком редко были вместе, чтобы упускать возможность повторить безумную скачку на кровати.

После бурной разрядки Ольга сразу набросила халат и на цыпочках прошла в детскую проверить, не проснулась ли Джулия. Рихард отправился на кухню курить. Одеваться он не стал. Давно отвык стесняться наготы ночью в квартире с любимой женщиной. Да, еще с тех времен, когда была жива Рут.

На улице за окном пустынно, горят фонари, блестит стекло припаркованной машины. В доме напротив светятся два окна. Сквозь полупрозрачные шторы просвечивают силуэты обнимающихся людей. Это жизнь. Это нормально. Рихард не чувствовал неудобства будучи невольным свидетелем романтического свидания. Время такое.

На востоке Европы поднимается волна кровавого безумия. Чехия рухнула сама, даже не стала сопротивляться, сразу раздвинула ноги. Польшу уже затопило. Всего две недели героического сопротивления, считанные дни триумфа национальной гордости, но они показали, что можно и нужно драться с черными социалистами. Даже поражение может обернуться моральной победой не склонивших голову героев.

Следующей будет Франция. Увы. Даже говорить не о чем. Пусть на фронте пока спокойно. Затишье перед бурей. Сентябрьское наступление не задалось, завязло в предполье. Нового уже не будет. Немцы успели перебросить войска на запад. Следующий ход за ними. Страшный враг. Марширующие батальоны холодных бездушных живых механизмов с мерт-

выми глазами, каменными сердцами, безразличной безжалостностью к людям. Гунны, нелюди, тупая мразь!

Еще восточнее в дикой Азии поднимает голову медведь-людоед Романовых. Дикий царь, властитель азиатских орд отсталых народов. Подлые «миротворцы», пытающиеся казаться людьми черносотенцы и бандиты. Нация потомственных рабов и душителers свободы.

Хорошо, в Париже и Лондоне нашлись решительные люди, ответили твердое «нет» на предложение Петербурга провести мирную конференцию по судьбе Польши. С людоедами нельзя договариваться. Их можно только отстреливать. Спокойно, без жалости. Ведь это не люди, а красно-коричневые предатели и черносотенцы.

Задумавшись, Рихард совсем забыл о парочке в доме напротив. Теперь хорошо видно, как они переместились на стол. Полупрозрачные шторы искажают картину, тем самым будоражат воображение, заставляют подсознание додумывать. Вместо двух человек, слившихся в одно целое, силуэты. Недосказанность возбуждает. Мозг сам додумывает детали, рисует страстные вздохи, взгляды, звуки, слияние тел, древние как сам мир движения.

Мир летит в Тартар, рушится привычная сонная сытая действительность, уже идет война, но людям это не мешает. Они любят, страстно хотят друг друга, тянутся к теплым огонькам душ, жаждут последних мгновений счастья, для них весь мир – это только они сами. На пороге грозы чувства обостряются, душа требует страсти, яростного, глубокого, всепоглощающего чувства. Когда-то Рихарду один профессор объяснял, что это не более чем инстинкт. Предчувствуя смерть, человек стремится продолжить свой род, передать частицу себя детям, так сохранить свою кровь.

Ерунда! Дело не в пошлых гормонах и животных инстинктах. Нет. Война как гроза, смывает все наносное, затхлое, фальшивое, обнажает настоящее, живое. Война очищает. Мещанская фальшь, смешные нормы и регламенты, все нелепое и пошлое глупой европейской культуры сносит ураганом настоящей жизни на грани смерти. Все пустое уходит, остаются только он и она. Из крови и очищающего огня рождается новая жизнь!

Рихард видел ноги женщины на плечах мужчины. Видел, как их руки сплетаются, ласкают тела. Яростная любовная схватка. Звуки через стены и улицу не долетают, но и так можно представить себе сладостные стоны. Да, совсем как десять минут назад в их спальне, когда Ольга скакала на Рихарде.

– Подглядываешь? – Рихарда обвили тонкие женские руки.

– Они счастливы. – Он спиной ощущал жар женского тела, чувствовал упершиеся в спину груди.

– Ты бросил меня одну, – упрек прозвучал как приглашение.

Рихард не заставил себя ждать. Старый стол не выдержал бы ярости натиска, но зато есть широкий и прочный подоконник. В эту ночь чета Бользенов почти не сомкнула глаз. Они не могли оторваться друг от друга. Рихард как с цепи сорвался, а Ольга была ненасытна.

Утром Рихард вскочил за секунду до будильника. Спал мало, полночи не сомкнул глаз, но проснулся бодрым и отдохнувшим. Новый день. Новые заботы. Радостные заботы.

Ольгу разбудил шум воды в ванной. Муж уже приводил себя в порядок. При воспоминании о минувшей ночи губы женщины тронула легкая улыбка, а щеки покраснели. Спать уже не хотелось. Пора вставать, готовить Рихарду завтрак, затем можно будет немного отдохнуть, перечитать газеты перед тем, как собирать и отводить дочь к няне, а самой бежать на работу.

Выросшая в небогатой еврейской семье в окружении многочисленной родни, Ольга с раннего возраста ценила самостоятельность. В ее глазах неработающая женщина неполноценна. Заработков мужа на семью хватало, Коминтерн ответственным товарищам деньги подкидывал, но Ольга сразу решила, сидеть без дела как домашняя клуша не будет. Тем более товарищи

помогли, устроили экономистом в одну торговую компанию. Заработок неплохой по местным меркам. Главное – постоянный.

Рихард Бользен скривился, глядя на отражение в зеркале. В мундире французского капитана он себе решительно не нравился. Не то, не так. Вроде хорошо, но не так. Дурацкий мундир. Проклятая форма, проклятое время. Очередная уступка условностям, капитуляция перед старым закостенелым миром. Еще одно маленькое поражение. Рихард самому себе казался смешным. Все же немецкая полевая куда удобнее, в ней чувствуешь себя человеком, а не чучелом в галифе.

К черту! Моральный онанизм до добра не доводит. Рихард сам с радостью ухватился за этот шанс, сам принял предложение старых соратников. Товарищи в Лондоне правы. Хорошо ли, плохо ли, но они правы. Раз началась война, ее надо использовать на все сто. Это реальный шанс для коммунистов подняться на слабости демократических режимов, его надо ухватить. И точка.

Бессмысленно и бесполезно сопротивляться системе. Формально он уже прогнулся, смирился с малым, признал над собой не только власть товарищей командования бригадой, но и армейской машины продажной республики. Но прогнуться, не значит проиграть. Показать слабость, выждать время, накопить силы и ударить по республике, когда не ждут. Кажется, у японцев есть хорошее выражение: «Лежа лизать желчь». Как раз к месту.

Время идет. Пора завтракать. Через двадцать минут приедет машина. Нельзя опаздывать, нельзя показывать леность и слабость перед людьми. Тем более, сегодня великий день. Рождение армии Коминтерна. И он, Рихард Бользен, товарищ Артем, Алексей Никифоров к этому более чем причастен.

Батальон построен на плацу. Гранитные шеренги. Серьезные лица. Люди подтянуты, сосредоточены. Спины распрямлены. Головы подняты. Глаза светятся. Это не строй, это стальная стена. Живой гранит. Не мобилизованная подневольная махра, не оболваненные фанатики, нет – здесь все добровольцы. Настоящие люди. Несмотря на серое затянутое небо, кажется, над этими людьми светит солнце. Всегда.

Второй батальон первой бригады Коммунистического интернационала. Один батальон. Если сравнить с десятками дивизий по эту и по ту линию фронта, то мало. А если понять, что это целый батальон только создающейся, никогда не существовавшей армии Коминтерна, то уже много.

– Равняйся! – Капитан Бользен чуть не сорвал голос от волнения. Первая команда, на первом построении, его первого батальона.

– Смирно!

Шеренги дрогнули и застыли. Как и должно быть. Одним движением. Единая сила. Стройные ряды. Подтянутые фигуры. Глядящие из-под касок глаза. И лица, лица, лица. Настоящие люди. Смотрят спокойно, уверенно, глаз не отводят. Коминтерновцы. Еще совсем недавно они были немцами, евреями, русскими, англичанами, испанцами. Сегодня это интернациональный батальон. Рихард Бользен настоял и убедил товарищей, в его батальоне нет пошлого буржуазного деления на национальные роты и взводы. Все едины и равны. Все коммунистической национальности.

– Вольно!

Теперь можно позволить себе заложить руки за спину, пройти вдоль строя, подмигнуть французскому лейтенантику, замершему на краю плаца. Бедняга хорохорится, выпячивает грудь, но явно чувствует себя чужим. Между ним и бойцами батальона пролегает незримая пропасть. Он не коммунист, он не наш, он только соглядатай от капиталистов.

– Товарищи! Мы батальон коммунистической интербригады. Мы готовы вступить в бой с фашистской заразой! – капитан Бользен говорил на немецком. Комиссар Розенберг синхронно переводил на русский.

– Мы не одни бросаем вызов реакции. Мы только авангард многомиллионной армии мирового пролетариата. Мы первые! За нами встанут другие. Тысячи и миллионы рабочих, самый передовой, прогрессивный класс, готовы взять в руки оружие и обрушиться со всей классовой ненавистью на черную плесень, захлестнувшую Россию, Германию, Италию, Норвегию, Словакию, Сербию. Мы знаем, с фашистами нельзя договариваться. Миролюбие они воспринимают как слабость.

Фашизм тянет свои кровавые руки к свободному миру. Они хотят поработить трудовые народы Европы! Сейчас. Здесь. У них ничего не получится! Мы встали каменной стеной на пути черных. Они не пройдут! – Рихард выбросил кулак в ротфронтском приветствии.

– Они не пройдут! – прогремело, проревело над плацом.

– Батальон! На-пра-во! Шагом марш!

До полигона Бользен шел пешком во главе колонны. Сегодня первое построение, первые стрельбы, первые учения. За городом на раскисшей грунтовке люди сбились с шага, но все равно старались держать строй. Сегодня особый день. Комбат должен быть со своими людьми и чуть впереди, пешком, разделяя все тягости службы. Потом уже можно будет пересесть на машину. Но не сегодня и не сейчас.

Яков Розенберг держался рядом с командиром. Человек он неплохой. Старый коммунист, отметившийся еще в киевских событиях двадцать пятого года, когда коммунисты поддерживали самооборону Бунда. Розенберг один из немногих знал настоящее первое имя Рихарда Бользена. Настоящее ли? – Рихард уже был в этом не уверен. Имя только условность, метка, суть человека оно не меняет. Однако с Яшей он пересекался в прошлой жизни, в те самые полные наивных надежд «ревушие двадцатые» в России.

На полигоне батальон отстрелялся неплохо. Люди все серьезные, у многих за плечами срочная служба, а у кого и революционные дружины, отряды красных штурмовиков. Винтовку в руках держать приходилось. С тактической подготовкой хуже. Цепи в атаке рвались, растягивались. Люди отставали и сбивались в кучи. Некоторые явно при команде «ложись» медлили, выбирали местечко почище. Половина сержантов сами не знали, что делать, и бестолково орали на людей.

С занятиями Рихард не усердствовал. На ошибки людей взирал спокойно. Побегали, грязь помесили? – Уже хорошо. Здесь все добровольцы. Быстро втянутся.

На полигон въехал автомобиль и остановился рядом с комбатом и комиссаром.

– Геноссе Рихард, – гражданский водитель даже не соизволил выйти из машины. – Срочно на Лотарингскую. Геноссе Вильгельм собирает всех командиров.

– Вильгельм Оранский?

– Нет, Берлинский, – шофер без запинки ответил на пароль.

– Строй людей и веди в казарму. Если вовремя не вернусь, дай им час отдыха и заставь ротных отработать построения на плацу, – бросил капитан Розенбергу, садясь в машину.

У интербригады своя специфика. Заместителем командира любого уровня всегда комиссар. На нем же контрразведка и ответственность за моральный облик и боевой дух людей. У него же право отстранить командира, если тот не справится с командованием, или даст повод заподозрить себя в измене.

Ротные и взводные признали старшинство комиссара, все люди опытные, многое пережившие. Только Мигель Перейра иногда пытался оспорить авторитет Розенберга. Ветеран Испанской революции, в свое время целый месяц продержался со своим отрядом против правительственных войск, на все имел свое мнение. Рихарду даже пришлось вызвать испанца

на мужской разговор и настойчиво посоветовать: «не пытаться быть святее папы Римского». Помогло.

Уже из машины Рихард долго смотрел в спину Розенберга. Интербригада. Первая военная часть лучшего и справедливого мира, а без соглядатаев и шпииков не обходится. Французы приставили своего офицера, это понятно. Но Рихард Бользен знал, что за ним следит не только лейтенант Бийот. Скорее всего, комиссар самостоятельно докладывает товарищам об обстановке в батальоне. В свое время один хороший человек настойчиво советовал Рихарду быть осторожнее с Розенбергом.

Что ж, лишнего Бользен не болтал. А вот к комиссару приглядывался, равно как и к ротным. Хоть и старый знакомый, да все может быть. Никто не знает, как Розенберг сумел вырваться из обложенного войсками и народными дружинами гетто Киева, добраться до Одессы, спокойно пройти таможенный контроль и сесть на пароход.

Глава 6
Санкт-Петербург
17 ноября 1939. Иван Дмитриевич

Утром, когда семья Никифоровых завтракала, в кабинете зазвонил телефон. Ивана Дмитриевича как холодом обдало, вчера весь день мучило нехорошее предчувствие. Трубку брать категорически не хотелось. Но телефон не унимался.

- Инженер Никифоров на проводе.
- Иван Дмитриевич, у нас стена обвалилась, – обрадовал Петя Загребин.
- Кого-нибудь зашибло?
- Пронесло. Сторожа видели, под утро стена в котлован сползла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.